ЕЛЕНА ЛАДИНА

СВИДЕТЕЛЬ
со стороны
КУХНИ

Елена Ладина

Свидетель со стороны кухни

«Автор»
2026

Ладина Е.

Свидетель со стороны кухни / Е. Ладина — «Автор», 2026

Пятнадцать лет Дина строила семейную пекарню вместе с мужем: придумывала рецепты, выручала работников, принимала заказы. После тяжёлой травмы сотрудницы привычный порядок рушится. Муж предлагает объяснение, которое должно спасти дело. Дина находит записи, способные его опровергнуть, и обнаруживает среди предупреждений собственную подпись.Защищая пострадавшую, легко назвать виноватым другого. Гораздо труднее отдать документы целиком и признать, что сама знала. Пока расследование идёт своим чередом, Дине предстоит искать работу, снимать комнату и учиться разговаривать со взрослым сыном без просьбы выбрать сторону. А с человеком, которого она всё ещё любит, решить, возможна ли близость без общего оправдания.

© Ладина Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. До восьми 5
Глава 2. Пакет с часами 10
Глава 3. Ознакомлена 15
Глава 4. Чужой почерк 20
Глава 5. Нижняя полка 24
Глава 6. Что вы сделали потом 29
Глава 7. Отдельный человек 33
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Елена Ладина
Свидетель со стороны кухни

Глава 1. До восьми

Дина увидела снятые Оксанины часы на подоконнике и сначала протянула к ним руку. Ремешок мог упасть за батарею. Там годами лежали два пластиковых скребка, которые никто не мог достать без длинной линейки, а часам было нельзя туда падать. Она успела подумать это прежде, чем опять услышала голос диспетчера в телефоне Инны.

— Да, дышит. Да, в сознании. Женщина, двадцать семь лет.

Оксана сидела на полу у дальней стены. Между нею и тестораскаткой стоял Эдуард, заслоняя ей машину, будто вид машины мог сделать хуже. На левой руке у Оксаны было чистое полотенце. Правой она держалась за рукав пекаря Сергея Павловича и всё спрашивала, сколько времени. Сергей отвечал: скоро приедут. Не время называл, а отвечал на другой вопрос.

Дина не подошла сразу. Она была в куртке, с пакетом образцов новой муки; приехала из лаборатории поставщика, куда собиралась ещё со вчерашнего дня. В пакете лежали пять маленьких мешочков, ручки врезались в пальцы. Она поставила их на стол, не посмотрев, сухой ли он, сняла куртку и села рядом с Оксаной на корточки.

— Я здесь.

Оксана повернулась к ней. Под белой сеткой волосы прилипли ко лбу, и Дина подумала о температуре, хотя в цехе было прохладно: заднюю дверь распахнули для скорой.

— У меня ключи, — сказала Оксана. — Инне отдайте. Мама к обеду придёт, а я закрыла.

— Найдём ключи. Ты не думай сейчас.

Но Оксана думала. Она назвала этаж, потом номер квартиры, потом сказала, что синяя головка от нижнего замка. Инна записывала на обороте товарной накладной и одновременно держала телефон у уха. Дина хотела забрать у неё лист, чтобы записать разборчивее. На накладной уже была мокрая клякса. Она удержала руку.

Из магазина за перегородкой доносилось звяканье щипцов. Продавщица Нина продолжала отпускать вчерашние сухари и утренние батоны. Дина слышала её спокойное: «Вам нарезать?» — и никак не могла совместить это с Оксаной на полу. Одна пекарня, пятнадцать шагов между прилавком и машиной, а там можно было ещё спрашивать о нарезке.

— Закрой продажу, — сказала она Инне, когда та убрала телефон. — И всех от машины. Ничего не трогать.

— Я уже отключил, — сказал Эдуард.

Он посмотрел на неё так, будто она усомнилась в нём перед людьми. Дина хотела объяснить, что говорила не ему. Не успела: в дверь вошли двое в тёмной форме, и сразу всем нашлось место. Сергея попросили отойти, Инну — ответить на вопросы, Эдуарда — показать, где это произошло. Дину спросили, кем она приходится пострадавшей.

— Технолог. Мы работаем вместе.

Это было правдой. И ещё она владела половиной предприятия, где Оксана сидела сейчас на полу. Про долю никто не спрашивал.

Когда Оксану поднимали, Дина заметила у неё на колене длинную нитку теста. Не кровь, не что-то страшное, всего лишь тесто. Оно высохло и стало серым. Дина отлепила его, прежде чем успела понять, зачем делает это. Оксана вздрогнула всем телом.

— Прости, — сказала Дина.

Оксана не ответила. Она смотрела в открытую дверь, на мартовскую грязь возле порога, и старалась не задеть левой рукой край носилок.

С ней поехала Инна. Эдуард отдал ей свою банковскую карту и велел звонить, если понадобится что-нибудь купить. Сказал это громко, чтобы она услышала у машины. Инна кивнула и полезла в карман за Оксаниными ключами. Часы остались на подоконнике.

Дина положила их в пустой прозрачный пакет для хлеба. Ремешок был из светлого силикона, на нём возле застёжки въелась мука. Пакет она отнесла в кабинет, поставила на полку над принтером и только там вспомнила, что на ней нет фартука. Куртка лежала на мешке с мукой. Она вернулась за ней, свернула и повесила в шкафчик. Движения складывались одно за другим, понятные, привычные; стоило перестать двигаться, как нужно было решить, что случилось.

Эдуард вошёл вслед за ней и закрыл дверь. У него на правом запястье белела полоса: он вымыл руки, а под часами вода не достала до муки.

— Ты во сколько приехала?

— Десять минут назад.

— Точно?

— Эдик, я не засекала.

Он поднял телефон, посмотрел на экран.

— Восемь двадцать три. Значит, около восьми десяти. Тебя при запуске не было.

— Меня не было.

Из коридора донёсся голос Нины: женщина требовала вернуть деньги за оплаченный заказ. Крестины, двадцать человек, пироги обещали к одиннадцати. Дина уже встала, но муж показал ладонью: сядь.

— Нина вернёт. Сейчас не об этом.

Он сел напротив, на стул посетителя. Дома так не садился никогда: всегда устраивался боком, чтобы видеть телевизор или не выпускать из виду телефон. Здесь он смотрел только на Дину, и это было почти похоже на внимание первых лет, когда она рассказывала ему, почему хлеб у них должен получаться другим.

— Я позвонил специалисту по охране труда. Сейчас выясняю, куда сообщать. Они должны из больницы дать заключение.

— Хорошо.

— Ты пока не разговаривай ни с кем о том, чего сама не видела.

— Я и не собиралась.

— В чате особенно. Сейчас начнут писать всякое. Скажи, что Оксане оказывают помощь, производство остановлено. Остальное после.

Дина посмотрела сквозь стекло двери. На столе в цехе ждали раскатки заготовки для круассанов. Она сама ставила эту рецептуру: хотела, чтобы масло не вытекало, а слои расходились ровно, с тихим хрустом. Сергей прикрыл заготовки плёнкой. После случившегося он ещё сумел подумать о тесте, и Дина испытала благодарность, тут же показавшуюся ей неприличной.

— С машиной что было?

— Выясним.

— Ты вчера сказал, мастер посмотрит.

Эдуард провёл ладонью по лицу.

— Дин, давай по очереди. Человек в больнице. Нам надо людям зарплату платить, заказчикам возвращать, комиссию эту собрать. Ты сейчас начнёшь, кто кому что сказал, и мы утонем.

Возвращать деньги действительно было нужно. И зарплату платить тоже; Дина сама видела, как Нина зимой занимала у Инны до получки. К тому же она не знала, что произошло. Могла представить несколько вариантов — руку потянуло, человек поскользнулся, кто-то нажал не ту кнопку, — и каждый заканчивался Оксаной у стены. Нельзя было выбирать тот, который первым пришёл в голову.

— Я возьму сменный журнал, — сказала она. — Мне надо понять, что успели сделать и что списывать.

— Возьми. Только ничего пока не дописывай.

Она повернула к нему голову.

— Я никогда ничего задним числом не дописываю.

— Я тебя и не обвиняю.

В цехе пахло недопечённым сливочным тестом. Первую партию уже вынули, и кто-то отключил печь. На остановленном производстве звуки были другими: капал плохо закрытый кран, скребла по полу ножка стула, Сергей тяжело дышал, перенося противни в холодное место. Дина подошла к нему и спросила, не хочет ли он домой.

— Сначала уберём, — ответил он.

— У машины не трогайте. Остальное я сама.

— Что вы сами. Тут на полдня.

Он был на десять лет старше Дины и говорил с ней без обычного «Дина Викторовна». Она давно знала, что это означало: ему страшно, и он хочет, чтобы рядом был кто-то, кто знает больше него. Сегодня такого человека в помещении не было.

До полки с журналом она не дошла: Нина позвала из магазина. Теперь звякали не щипцы, а связка ключей о стеклянную дверь. Продавщица пыталась повернуть верхний замок, и покупательница с той стороны держала ручку, не давая закрыть.

— Мы больше не продаём, — сказала Нина. — Я вам объясняю.

— Мне не продавать. Мне своё забрать. У меня оплачено.

На женщине было расстёгнутое пальто, под ним светлая блузка; в руке она держала переноску с маленьким букетом. Дина узнала ту, что заказывала пироги на крестины. Вчера они вместе выбирали начинку. Женщина не хотела капусту, боялась, что детям не понравится, и Дина предложила картофель с укропом. Теперь захотелось сказать: ваши ещё даже не начинали, не из той партии. Будто это имело значение.

— Откройте, Нина. Только ей.

Женщина вошла и сразу посмотрела за прилавок. Витрина была почти полной, на полке стояли несколько коробок без крышек. Со стороны всё выглядело как обычное утро, в котором продавцы почему-то отказываются работать.

— Я могу взять другими. Мне двадцать человек кормить.

— Заказ мы не выполним, — сказала Дина. — Вернём оплату.

— Вы думаете, я не понимаю? Я скорую видела. Но у меня машины уже едут. Я не могу им всем позвонить и сказать: не приезжайте крестить ребёнка.

Нина присела искать чек. Её плечо задело открытую кассовую ленту, та раскрутилась до пола. Дина наклонилась, подняла конец. За стеклом остановился мужчина, прочёл ещё не снятые часы работы, постучал. Нина покачала головой. Он постоял и ушёл.

— У вас есть где-нибудь рядом знакомые? — спросила покупательница. — Не пироги. Хоть что-нибудь.

Дина назвала два места, затем вспомнила, что одно по вторникам открывается позже. Начала объяснять дорогу, но женщина уже набирала название в телефоне.

— Не надо маршрут. Мне надо, чтобы было.

Дина могла позвонить знакомой заведующей. Та иногда выручала с упаковкой, и ей было бы трудно отказать. Нужно только сказать, сколько человек, попросить поторопиться, предложить доставить самой. На несколько секунд появился целый понятный день: собрать чужую еду, отвезти, извиниться, убедиться, что всё получилось. Он вытеснял утро в цехе. Дина убрала руку от телефона.

— Я не знаю, сколько у них готового. Сначала позвоните. Я сейчас не смогу заняться заменой.

Женщина посмотрела на неё сердито, потом вдруг села на край банкетки у окна.

— Я понимаю. Правда понимаю. Просто мне теперь что делать?

На этот вопрос Дина не ответила. Нина нашла оплату, начала оформлять возврат. Покупательница диктовала номер заказа, путалась, открывала не то сообщение. Потом дозвонилась до другого места и стала спрашивать о выпечке. Голос сразу сделался деловым, словно она вышла из их магазина, ещё оставаясь на банкетке.

Дина помогла Нине поднять ленту. У продавщицы дрожали пальцы; оторвать ровно не получилось, край вышел косым.

— Домой хотите? — спросила Дина.

— А кто здесь будет?

— Я не про то, кто. Вам плохо?

Нина прижала ладонь к груди, подержала и опустила.

— Мне надо людей обзвонить. Они к одиннадцати придут.

— Давайте список.

Дина сделала два звонка. В первом ей сразу сказали, что уже слышали, во втором потребовали позвать директора. Она записала возле фамилии «перезвонить Э. А.» и поняла, что дальше начнёт обещать сроки, которых не знает. Вернула список Нине, попросила пока только сообщать об отмене. Про возвраты они уточнят отдельно.

Покупательница договорилась на доставку, убрала телефон. Уже в дверях спросила, жива ли сотрудница. Дина ответила. Та кивнула, придерживая букет локтем, и сказала: «Пусть поправляется». Когда дверь закрылась, Нина повернула ключ без помех.

Дина осталась на минуту возле прилавка. Вчера она лично обещала этой женщине красивый стол к одиннадцати. В цехе ждала мука, не убранная из пакета; Сергей всё ещё переносил противни. Она подняла с банкетки забытый покупательницей чек, положила Нине рядом с телефоном и вернулась к весам.

Журнал лежал на полке возле весов. Оксана любила подкладывать под него чистый лист картона, чтобы обложка не жирнилась. На последнем развороте стояла дата — третье марта — и короткая запись с раннего утра: «Раскатка: остановка, повторный сбой защиты. Э. А. сообщено, 06:45». Ниже, другим нажимом: «07:20. Работа продолжена по распоряжению Э. А.»

Дина прочла обе строки, потом ещё раз. Оксана всегда писала инициалы полностью, даже когда раздражалась; круглые буквы оставались аккуратными. Время было подчёркнуто. Дина положила палец на край страницы, не касаясь записи.

Вчера она уже видела этот журнал. Замечание стояло на предыдущей странице, между температурой холодильника и возвратом бракованной упаковки. «Защита срабатывает через раз. Требуется ремонт». Рядом была её собственная подпись — короткая, растянутая, со взлетевшей вверх последней чертой. Подпись значила, что с записями она ознакомилась. Дина помнила, как подписывала: на ходу, пока говорила по телефону с поставщиком. Потом сказала мужу. Он ответил, что утром приедет мастер. Она запомнила именно ответ, а не то, что работа продолжалась.

Сергей подвинул к ней стул.

— Сядьте.

— Я нормально.

Он не убрал стул. Дина опустилась на него, держа журнал на коленях. Через минуту из кабинета вышел Эдуард с двумя распечатанными листами. Один положил на стол, второй держал в руке.

— Нужно собрать первичные объяснения. Просто кто что видел. Без догадок.

Он сказал это всем, но смотрел на Дину. Она перевела взгляд на лист. Сверху было напечатано Оксанино имя. Дальше шли строки от первого лица: «После устранения остановки самостоятельно приняла решение продолжить работу…»

— Это она тебе сказала? — спросила Дина.

Эдуард посмотрел на бумагу, словно проверяя, ту ли принёс.

— Это образец. Она напишет, как было. Ей сейчас неудобно, правая рука свободна, но всё равно. Можно будет продиктовать.

— Здесь написано «самостоятельно».

— Дина, я вижу, что здесь написано.

Сергей взял ведро и ушёл в мойку. Дверь за ним не закрылась, но Эдуард дождался, пока зашумит вода.

— Я не заставляю её ничего подписывать. Нужно нормально описать ситуацию, чтобы человек получил выплаты. Ты сейчас из одного слова устроишь такое, что ей же будет хуже.

Дина посмотрела на Оксанину запись у себя на коленях. На две строки приходилось всего несколько слов, но они были сделаны до того, как приехала скорая, до объяснений, выплат и страха за зарплаты. В них ещё можно было сообщить о неисправности и ждать, что кто-то решит её.

— У неё в журнале другое.

Муж протянул руку за журналом. Она отдала не сразу — задержка вышла короткой, едва заметной, но он её увидел. Взял за верхний угол, раскрыл на том же месте и долго молчал. Потом положил рядом с распечаткой.

— Запись тоже надо проверять, — сказал он. — Она могла не так понять.

Дина хотела спросить, что именно тут можно было понять не так. Вместо этого встала и пошла в кабинет за Оксаниными часами. Их нужно было передать матери вместе с ключами. Про часы она знала совершенно точно: где увидела, куда сама их положила. И пока шла по коридору, придерживая пакет за скользкий край, ей было за что держаться.

Глава 2. Пакет с часами

В больницу Дина поехала после обеда, когда Инна написала, что Оксану забрали в операционную. До этого она трижды набирала её номер и трижды стирала. Звонить Оксане было нельзя, Инне — незачем, Эдуард каждые десять минут спрашивал по громкой связи о новостях. Дина слышала ответы, находясь рядом, и всё равно хотела позвонить сама: услышанное без неё не складывалось в известие.

Оксанины часы она положила в боковой карман сумки. Купила воду, влажные салфетки, мягкую зубную щётку; уже у кассы вспомнила, что никто ничего этого не просил. Поднялась в нужное отделение с пакетом, который шумел громче, чем следовало. В коридоре было тесно. На подоконнике сидел мужчина в пуховике, женщина рядом с ним ела банан маленькими кусочками, пряча кожуру в ладони. Дина вдруг почувствовала голод. С утра она выпила только кофе, а теперь стыдилась собственного желания есть, будто могла кому-то помочь, оставаясь голодной.

Оксанина мать стояла возле двери с табличкой. Дина видела её раньше: невысокая женщина, седая прядь над левым виском, светлое пальто, купленное явно с расчётом на несколько сезонов. У кассы пекарни она всегда долго выбирала хлеб, хотя Оксана могла принести ей домой всё, что нужно. Говорила: «Ей и так таскать». Сегодня на матери были разные перчатки.

— Елена Петровна? Я Дина.

— Я знаю.

Они не обнялись. Дина поставила пакет на подоконник, рядом с чужой перчаткой, и сразу сняла: там могло быть грязно.

— Я привезла кое-что. И часы.

— Часы потом.

Мать не спросила, что случилось. Это оказалось хуже вопроса. Она смотрела на дверь, а Дина стояла рядом с покупками и не знала, разрешено ли ей остаться. Из-за стойки вышла медсестра, позвала другую фамилию. Мужчина с подоконника вскочил, банан упал в раскрытый пакет. Елена Петровна проводила их взглядом и спросила:

— Она у вас давно на этой машине?

— Третий год.

— Дома хлеб руками делает. Говорит, тут немного, на одну форму. Я ей комбайн предлагала, она отказалась.

Дина кивнула. Она могла рассказать, какая Оксана хорошая работница, как быстро поняла слоёное тесто и научилась замечать сбой раньше, чем он становился браком. Вчера это было бы похвалой. Сейчас прозвучало бы так, словно хорошая работница не могла пострадать, а если пострадала — значит, с похвалой поторопились.

— Я не была при самом происшествии, — сказала Дина.

— А кто был?

— Сергей, наш пекарь. Муж. Инна подошла сразу.

— Муж ваш уже приезжал.

Дина не знала. Эдуард уехал ещё до обеда, сказал, что нужно встретиться со специалистом и забрать документы у бухгалтера. Видимо, успел и сюда. Она сама задержалась в пекарне, потом заезжала в аптеку и магазин.

— Что он сказал?

Елена Петровна наконец повернулась. У неё покраснели веки, но слёз Дина не увидела.

— Что они её не бросят. Что всё будет за их счёт. Только не надо пока никому звонить, всё уже сообщено куда надо. Я спросила: вам-то кто будет звонить? Мне надо узнать про дочь, а не про вас.

Дина опустила пакет на пол. Ручки вытянулись и побелели возле узла.

— Я хочу помочь.

— Тогда подождите со мной. Я не слышу, если меня не по имени. Мне кажется, все чужие фамилии говорят.

Они сели на освободившиеся стулья. Дина хотела достать телефон, посмотреть, сколько времени, но вспомнила утренний Оксанин вопрос и оставила сумку закрытой. Через стекло было видно соседнее крыло больницы, на крыше лежал грязный снег. Сосульки возле водостока успели растаять наполовину, одна тонкая держалась под углом. Дина смотрела на неё, пока не поняла, что ждёт падения, и отвернулась.

— Она мне вчера звонила, — сказала Елена Петровна. — Сказала, отработает утром и заедет. Мы собирались к тёте. У неё день рождения. Не большой, просто посидеть.

— Да.

— Я пирог испекла. А она сказала, мам, не пеки, я принесу. Я всё равно испекла.

Дина услышала в этом разговоре обычную Оксану: немного нетерпеливую с матерью, уверенную, что всё успеет. Представила пирог на кухонном столе — не потому, что знала эту кухню, а потому, что дома у неё тоже часто оставалось что-то приготовленное к чужому возвращению. И это впервые за день перестало быть мыслью о производстве, выплатах, исправности машины. Оксана собиралась вечером пить чай у тёти. Теперь мать сидела в разных перчатках и ждала, когда ей скажут, как будет жить дочь.

У Елены Петровны зазвонил телефон. Она посмотрела на экран, выключила звук и положила аппарат на колени. Он тут же засветился снова. Женщина закрыла его ладонью, но Дина успела увидеть имя: «Таня».

— Тётя? — спросила она.

— Сестра. Я сказала, не приедем, а она теперь спрашивает, что стряслось.

— Могу ответить, если хотите.

Елена Петровна повернулась к ней так резко, что Дина сразу пожалела о предложении. Потом женщина отвела взгляд.

— Не надо. Я сама. Ей семьдесят два. Она потом всю ночь не уснёт.

Она поднялась, сделала несколько шагов к окну и всё же ответила. Говорила тихо, почти одними «да» и «нет». Дина старалась смотреть на дверь. Она не понимала, нужно ли встать рядом, чтобы не пропустить врача, или остаться на стуле и сохранить матери место. Раньше такие сомнения она решала действием: двигала стул, брала сумку, кому-то звонила. Здесь легко было сделать лишнее.

— Ты пирог поставь в холодильник, — сказала Елена Петровна в телефон. — Валя зайдёт, отрежешь ей. Соседка твоя, ты ей позвони. Тань, не надо сейчас плакать. Я не знаю ещё.

Последнюю фразу она повторила дважды. Когда вернулась, телефон уже лежал глубоко в сумке. Мать села, прижала ладони к коленям.

— Говорит, сама приедет. Я ей сказала, что нельзя.

— Сюда?

— Да. Она из дома до магазина-то с остановкой ходит. А тут приедет.

У Дины оставалась запечатанная бутылка. Она отвернула крышку, протянула Елене Петровне, но та не взяла: сказала, не хочет пить, потом через минуту попросила. Сделала большой глоток, закашлялась. Дина придержала бутылку, пока женщина вытирала рот платком.

— Вы поели сегодня? — спросила она.

— Не надо мне ничего покупать.

— Я не покупать. Просто спросила.

— Поела. Утром. Ещё не знала.

Они замолчали. Дина смотрела на закрытую дверь; буквы на табличке можно было прочесть только со стула у прохода, и она всё время наклонялась, хотя уже запомнила каждую.

Мимо прошёл мужчина в рабочей одежде с цветами в целлофане. Остановился перед указателем, вернулся к лестнице. В этом же здании кто-то мог принести цветы по обычному счастливому поводу. Дина попыталась представить, как сама входит сюда с букетом, и не смогла.

Елена Петровна достала из кармана маленький бумажный свёрток. Развернула. Внутри лежали две конфеты, одна с прилипшей к фантику ниткой. Предложила Дине.

— Спасибо, не нужно.

— Возьмите. Это я в пальто всегда кладу. В автобусе долго, бывает.

Дина взяла конфету. Шоколад был помятый, начинка приторная. Она прожевала, стараясь не шелестеть фантиком, и тут же почувствовала, насколько пуста внутри. Елена Петровна свою держала между пальцами, не разворачивая.

— У неё на воскресенье билеты, — сказала она. — На спектакль. С подругой собирались. Всё жаловалась, что мест хороших уже нет, потом нашла.

Дина хотела сказать, что билеты наверняка можно вернуть. Даже начала: «Нужно посмотреть…» — и остановилась. Мать не просила разобраться с билетами. Дина положила смятый фантик в собственную сумку.

— Я не знала, что она в театр ходит.

— Да она редко. Всё некогда. Смены меняются, она подруге говорит: ты иди, я потом. А тут заранее взяли.

За последние полгода Дина несколько раз просила Оксану поменяться. Та отвечала не сразу, уходила с телефоном, возвращалась и говорила, что сможет. Дина всегда благодарила. Сейчас хотелось вспомнить, не упоминала ли та спектакль, день рождения, поездку. В памяти оставались только смены, которые удалось закрыть. Она не стала говорить Елене Петровне, какая Оксана отзывчивая. Чужое свободное время слишком удобно называлось отзывчивостью, когда доставалось им.

Мать всё-таки развернула свою конфету, откусила половину. Вторую завернула обратно и положила на сумку. Дина спросила, не подержать ли вещи, если ей нужно выйти. Елена Петровна сразу поднялась.

— Я быстро. Если что, вы позовите. Тут дальше по коридору.

Дина осталась у двери одна. Место рядом сохраняло тепло чужого пальто. Она поставила сумку Елены Петровны к себе на колени, конфету убрала в наружный карман так, чтобы обёртка не выпала. Теперь у неё было короткое, точно порученное дело. Когда из отделения вышла медсестра, Дина встала, но та прошла мимо. Пришлось сесть снова и ждать.

Дина просидела с нею почти два часа. Эдуард звонил дважды. Она сбросила первый звонок, на второй ответила в коридоре у лестницы.

— Ты где? — спросил он.

— В больнице.

— Я тебе говорил, там сейчас нечего делать.

— Я с её мамой.

— Хорошо. Скажи ей, завтра переведу на первое время. Сегодня бухгалтер должна понять, как оформить.

— Сам скажи.

Молчание в трубке длилось всего несколько секунд, но Дина успела испугаться своей резкости. Он тоже с утра не ел, тоже видел Оксану. Дина знала, как он переживает чужую боль: начинает обещать, покупать, искать человека, который решит. Когда Филипп в восемь лет сломал руку на турнике, Эдуард за одну ночь договорился с тремя врачами и привёз сыну планшет. Потом спал у него в комнате на полу, потому что Филиппу было больно повернуться. Она помнила это. Не хотела вдруг забыть всё хорошее только потому, что увидела слово на распечатке.

— Эдик, я сейчас не могу обсуждать деньги.

— А надо. Ей жить на что-то. Мать не работает. Ты посидишь, уйдёшь, а вопрос останется.

— Я знаю.

— Тогда не делай вид, что я занимаюсь чем-то посторонним.

Он отключился первым. Дина постояла у лестницы, проводя пальцем по шву сумки. Протёртая кожа царапала ноготь. Сумку подарил Эдуард на сорокалетие; она до сих пор пользовалась ею, потому что внутри помещалась папка формата А4. При покупке он спросил продавца именно об этом. Она тогда смеялась и говорила, что можно было бы подарить красивую, не обязательно удобную. Но носила эту.

Когда Дина вернулась, Елена Петровна стояла у двери с врачом. Он говорил спокойно, негромко, и Дина не стала приближаться. Услышала только: «Сейчас главное…», потом женщина спросила, сохранится ли движение. Врач ответил длиннее, чем на первый вопрос. Из его слов нельзя было извлечь обещание. Елена Петровна несколько раз кивнула и повторила, когда можно будет увидеть дочь.

— До завтра, — сказала она Дине. — Сегодня туда нельзя. Она после наркоза.

Дина подняла пакет.

— Это можно передать?

— Давайте воду. Остальное пока у меня будет.

Дина достала часы и вложила пакетик ей в ладонь. Елена Петровна посмотрела на циферблат и вдруг стала застёгивать ремешок, словно собиралась надеть часы себе. Пальцы плохо попадали в дырочку.

— Она их сама купила, — сказала мать. — Первую нормальную зарплату получила и купила. Я сказала, на телефоне же время есть. Зачем я сказала?

— Ей они нравятся.

— Нравятся, да.

Мать спрятала часы в карман. Дина предложила отвезти её домой. Елена Петровна покачала головой, потом согласилась до остановки, потом, уже в машине, тихо назвала адрес. Не тот, который утром диктовала Оксана: свой. Ей нужно было забрать ночную рубашку для дочери, зарядку с длинным проводом и паспорт. Она перечисляла вещи, а Дина запоминала, потому что списки пока помогали им обеим.

Они ехали медленно, вместе со всеми, кто возвращался с работы. По мокрому асфальту тянулись стоп-сигналы. Елена Петровна смотрела в окно и ни разу не спросила о машине. Когда они подъехали, Дина предложила подняться и помочь собрать вещи.

— Нет. Тут я сама.

Она закрыла дверь и отошла к подъезду. Дина не заводила двигатель, пока женщина не исчезла внутри. На сиденье осталась одна перчатка. Она догнала Елену Петровну в подъезде, протянула, и та вдруг стиснула её руку обеими ладонями.

— Только скажите, как было. Я ничего не понимаю у вас, но вы скажите.

Дина почувствовала на пальцах холод мокрой шерсти.

— Я скажу то, что знаю.

Она произнесла это без оговорки. Потом, уже возвращаясь к машине, стала мысленно добавлять: когда спросят, кому положено, после того как выяснится. Слова не прозвучали, но от этого не перестали существовать.

Дома свет горел только на кухне. Эдуард стоял у плиты и грел суп в маленькой кастрюле. Большую он не достал: всегда переливал одну порцию, чтобы не разогревать всю еду. Дина сняла обувь, вымыла руки и села. Муж поставил перед ней тарелку, хотя она не просила.

— Ешь. Ты белая.

— А ты?

— Поел.

Она взяла ложку. Суп был слишком горячим, но это оказалось хорошо: нужно было ждать, дуть, чувствовать рот. Эдуард сел напротив и отодвинул хлебницу, чтобы поставить ноутбук.

— Операция закончилась, — сказала Дина.

— Инна написала.

— Я была с её мамой. Врач не обещает, что рука будет как раньше.

Он закрыл глаза, прижал пальцы к переносице.

— Я всё понимаю. Ты думаешь, я не понимаю?

— Нет.

— Я сегодня с пола её поднимал. У меня перед глазами стоит.

Дина положила ложку. Хотела коснуться его руки, но между ними был ноутбук, а тянуться через него казалось неловко. Муж открыл крышку.

— Завтра приедет специалист. По извещениям разобрались, больница даст заключение. Нам нужны документы за последние месяцы. Журналы, приказы, обучение. Ты собери технологическую часть.

— Хорошо.

— И Дин. Пожалуйста. Пока мы не выплатили человеку деньги, не надо с ней разговоров о том, кто кого заставил. Она сейчас под лекарствами, мать в таком состоянии. Слова потом не вернёшь.

Дина посмотрела на недоеденный суп. В прозрачном бульоне плавало кольцо лука, которое она вчера не заметила, когда процеживала. Она всегда процеживала суп для мужа: он не любил варёный лук.

— А объяснение ты ей дал?

— Нет. Она на операции была.

— Потом дашь?

Эдуард поднял на неё глаза.

— Мы всё сделаем как положено. Я прошу тебя только не раскачивать сейчас.

Дина доела суп, стараясь не стучать ложкой. Муж работал за ноутбуком, время от времени отвечал на сообщения. Они сидели рядом больше часа. Прежде такой вечер она назвала бы тяжёлым, но общим: день прошёл плохо, зато дома можно было молчать вместе. Теперь ей всё время казалось, что она уже ответила на какой-то вопрос, хотя так и не произнесла ни да, ни нет.

Глава 3. Ознакомлена

На следующее утро Дина приехала к семи. У двери уже стоял Сергей Павлович. Он держал сумку со сменной обувью и ждал, хотя ключ от служебного входа был у него. На вопрос, почему не открыл, ответил: не знал, можно ли.

— Можно. Включать ничего нельзя.

Они вошли вместе. После ночи пекарня остыла, и знакомый запах стал тяжёлым: масло, мокрая ветошь, дрожжи. Дина первым делом открыла фрамугу в кабинете. Потом закрыла, потому что за окном работал погрузчик, и шум мешал думать. Она ещё не знала, о чём именно собирается думать, но уже защищала тишину.

На столе лежали возвращённые заказы. Нина записала фамилии и суммы, рядом поставила свою подпись. Три человека согласились подождать, остальные забрали деньги. Одна женщина написала на чеке от руки: «Выздоровления вашей сотруднице». Дина положила чек отдельно, чтобы не потерялся, и тут же испугалась, что Эдуард решит показывать его Оксане как свидетельство общей поддержки.

— Я вчера не успел вам сказать, — произнёс Сергей.

Он стоял в дверях, не заходя. В руках крутил шапку, на которой осталась мука: зачем-то надевал её ещё в цехе. Дина пододвинула ему стул.

— Садитесь.

— Да я на минуту. Он спрашивал, кто видел, как она запускала. Я сам не видел. Я спиной стоял. Мне надо было хлеб достать.

— Так и говорите.

— Она меня звала уже после. Я к выключателю бросился. Дальше вы знаете.

Дина знала не всё. С утра ей казалось, что они пережили одну общую минуту, и каждый может рассказать её за остальных. Но Сергей стоял у печи, Инна в упаковочной, Эдуард, по его словам, был возле ворот и принимал поставку. Каждый видел кусок. Оксана — больше всех, и Оксане уже подготовили текст.

— Не нужно добавлять то, чего не видели, — сказала Дина.

— Я и не буду. Только Эдуард Александрович говорит, я должен был заметить, что она сама. А я не заметил. Она каждый день там. Я на неё не смотрю всё время.

— Не должны вы всё время на неё смотреть.

Он вздохнул и наконец сел. Дина налила ему чай, потому что было неловко просто сидеть, и заметила, как он обхватил стакан ладонями. Сергей обычно пил из кружки с толстым ободком. Сегодня она взяла первый попавшийся стакан; он не поправил.

— У неё девочка есть? — спросил он.

— Нет.

— Я думал, есть. На телефоне фото видел.

— Племянница.

— А. Хорошо… Нет, не хорошо. Я не то сказал.

— Я поняла.

Дина действительно поняла: он искал хоть что-то, от чего случившееся станет меньше. Она сама с вечера ловила себя на этой работе. Левая рука, а не правая. Жива. Двадцать семь, восстановится. Каждый раз следом приходило воспоминание об Оксане, которая прежде закручивала волосы в тугой узел двумя быстрыми движениями. Дина не могла остановить эти сравнения и не знала, кому можно признаться, насколько стыдно ей от слова «хоть».

К девяти приехала женщина, которая вела у них охрану труда по договору. Алла Борисовна была небольшая, с короткой стрижкой и папкой на молнии. Обычно она приезжала на час, разговаривала с Эдуардом, собирала подписи, проверяла, не закончились ли сроки обуче-

ния. Дина встречала её как человека, чья работа нужна, но отнимает время у настоящего производства. Сегодня Алла Борисовна не сняла пальто, пока не спросила, кто и куда направил извещения, получено ли медицинское заключение и сохранено ли место происшествия.

— Машину не трогаем, — ответил Эдуард. — Всё стоит как было.

— После оказания помощи что-то перемещали?

— Убирали остальную продукцию. Около машины — нет.

Алла Борисовна записала ответ. Не похвалила, не сказала, что теперь всё будет хорошо. Дина почему-то ждала именно этого. Специалист приехал, значит, появился человек, который назовёт правильный порядок и снимет с них необходимость самим выбирать между несколькими плохими решениями.

— Дина Викторовна, ваши должностные обязанности и технологические документы тоже понадобятся. И журналы целиком, не выписки за вчерашний день.

— Я подготовлю.

— Копии отдельно. Оригиналы должны сохраняться. Ничего не восстанавливать по памяти в старых записях. Если что-то отсутствует, так и отмечайте.

Эдуард кивнул, а Дина почувствовала, что краснеет. Никто её не обвинял, но слово «восстанавливать» совпало с тем, о чём она думала ночью. В конце февраля она пропустила одну запись о плановой проверке рецептуры. Работа была сделана, результаты у неё в компьютере. Она собиралась перенести их в журнал в понедельник, не успела и теперь представляла, как это будет выглядеть: все увидят пустое место и решат, что она вообще ничего не делала.

Алла Борисовна ушла с мужем в цех. Дина осталась в кабинете и достала свою должностную инструкцию. Подписала её шесть лет назад, после очередного изменения штатных документов. Тогда Эдуард принёс пачку и сказал: здесь, здесь и последняя страница. Она прочла, конечно. Помнила, что прочла. Только теперь обнаружила пункт об информировании руководителя о выявленных нарушениях и необходимости прекращения опасной работы в пределах предоставленных ей полномочий. Слова были не новыми. Новым было то, что под ними стояло её имя.

Она перевернула страницу. Рядом с подписью была дата, почти стёртая от сырости: когда-то на папку пролили чай. Дина поднесла лист к окну. Ей захотелось найти в формулировке исключение, которое отделило бы технологию теста от машин, приказы мужа от её собственных решений. Она не электрик, не механик, не специалист по охране труда. Это всё было верно. Но позавчера, увидев запись, она могла не ограничиться разговором у двери.

В шкафу лежали журналы за прошлые месяцы. Дина вынимала их по одному, обтирала обложки сухой салфеткой, раскладывала по датам. В январском нашла вложенный лист с рукописной пометкой Оксаны: «При поднятом ограждении остановка не всегда с первого раза. Повторно сообщила Э. А.» Ниже Дина когда-то написала карандашом: «Обсудить с сервисом». Карандаш давно затупился, буквы получились широкими, детскими. Она помнила этот день: не вышла ночная смена, сама стояла на формовке до обеда, потом заболела и уехала домой. На следующий день Эдуард сказал, что всё посмотрели.

Была ли бумага из сервиса? Дина порылась в папке. Акт о замене ремня нашёлся. Акт о проверке защиты — нет. Это ещё ничего не доказывало. Могли смотреть без отдельного акта, могли прислать электронно, могли оставить у мужа. Она положила лист обратно и услышала, как в коридоре Эдуард сказал Алле Борисовне:

— С технологией у нас всегда порядок. Дина очень аккуратная, она за этим следит.

Похвала прежде грела её. Она знала, что муж редко замечает её работу вслух, и хваталась за такие случайные слова, особенно при посторонних. Теперь ей хотелось, чтобы он перестал. Ещё минуту назад она искала подтверждение собственной аккуратности, а он уже выдал его готовым, никого не спросив.

До обеда Дина помогала Нине обзванивать тех, кто ещё не знал об отмене заказов. В магазине включили только свет над кассой. Без шума из цеха было слышно, как возле входа работает маленький холодильник с напитками: включался, дребезжал, затихал. Нина записывала результаты прямо на листе, не в программе. Ей так было легче видеть, кому уже звонила.

Последний номер не отвечал. Нина положила телефон и стала отдирать от витрины объявление о праздничных заказах. Дина придержала стекло. Бумага отходила полосами, клей оставался по углам.

— Не снимайте пока всё, — сказала она. — Мы же не знаем, на сколько.

— Так там к восьмому числу. Сегодня четвёртое. Люди думают, можно ещё заказать.

Дина посмотрела на дату. Сама выбирала фотографию пирога для этого листка. На прошлой неделе Нина жаловалась, что картинка закрывает обзор и не видно, кто подходит к прилавку; Дина ответила, что до праздника можно потерпеть. Теперь продавщица могла снова видеть дверь.

— Да, снимайте.

Остатки клея с первого раза не оттёрлись. Нина принесла средство, отошла от открытой еды, смочила салфетку. Дина собрала бумажные полосы. В дверь постучали: снаружи стояла женщина с сумкой на колёсах, постоянная покупательница, за которой Дина помнила только заказ — половина ржаного, два сухаря без изюма.

Нина открыла на ширину ладони.

— Закрыто пока, Валентина Ильинична.

— Мне не надо. Я спросить. Говорят, у вас девочка…

Продавщица оглянулась на Дину. Та подошла и повторила ровно то, что знала: Оксана в больнице, помощь оказана, врачи занимаются ею. Женщина прижала сумку к ноге.

— У неё мать одна. Я её тут видела. Может, собрать надо? У нас в доме люди дадут.

Дина едва не сказала, что предприятие само позаботится. Именно так сказал бы Эдуард, и она сама вчера охотно сказала бы это за него.

— Я не знаю, нужна ли ей такая помощь. Без неё давайте не будем организовывать.

— А кто у неё спросит?

— Когда можно будет разговаривать. Сейчас не я за неё решаю.

Женщина недовольно вздохнула, переступила с ноги на ногу. Дина понимала, как звучит: людям не дают даже помочь. Хотелось объяснить, что она и сама вчера пришла с ненужной щёткой, что матери потребовалось только, чтобы кто-то сидел рядом. Но покупательница не знала её, и этим рассказом Дина только сделала бы себя важной.

— Я Нине номер оставлю, — сказала женщина. — Если надо будет, скажет.

Нина записала номер на отдельном листке. Женщина ушла, волоча сумку через порог. Дина помогла придержать дверь и чуть не сказала привычное «приходите ещё».

— Я ей не обещала, — произнесла Нина, кладя лист возле кассы.

— Я слышала.

— А то потом скажете, что я самодеятельность.

Дина повернулась. Нина смотрела на размокшую салфетку, не на неё.

— Я так говорила?

— Осенью. Когда я соседке вашей хлеб в долг оставила. Не важно.

Дина помнила: хлеб был недорогой, но ей не понравилось, что решение приняли без неё. Сказала Нине, что касса не её личный кошелёк. Тогда считала замечание вполне справедливым и потом, кажется, даже разрешила такие случаи согласовывать. Про тон не думала.

— Я сейчас не про это, — начала она.

Нина кивнула, словно именно такого ответа и ждала, и снова принялась за стекло. Дина могла извиниться, но слова застряли: слишком легко получилось бы исправлять осеннюю грубость в утро после травмы, когда хотелось получить от каждого хоть немного тепла. Она не

стала требовать, чтобы Нина отвлеклась и выслушала. Унесла бумагу, принесла чистую воду для салфетки. Они закончили молча.

Перед уходом в кабинет Дина всё-таки сказала:

— Про самодеятельность было грубо. Я могла нормально объяснить.

Нина посмотрела на неё с усталым удивлением.

— Могли. Мы бы и так поняли.

Дина кивнула. На стекле осталась одна тусклая полоска, заметная сбоку. Нина не стала тереть её дальше: зазвонил телефон, наконец перезвонил последний заказчик.

В обед пришёл Филипп. Он учился на последнем курсе и обычно заезжал в пекарню по пятницам: забирал хлеб, помогал с сайтом, иногда отвозил заказ, если не хватало водителей. Сегодня была среда. Дина сразу подумала о пропущенных занятиях.

— У тебя пара?

— Мама, серьёзно?

Она замолчала. Сын снял рюкзак и поставил на пол, потом передумал и повесил на спинку стула. Движение было её: не класть сумку туда, где ходят в уличной обуви. Дина заметила это и чуть не заплакала.

— Папа сказал, рука, — произнёс он. — Что там? Её спасут?

— Она жива. Оперировали. Сейчас врачи смотрят, как будет восстанавливаться.

— А машина?

— Что машина?

— Как она вообще могла? Там же защита. Я летом на ней работал.

Дина посмотрела на него. Он был в той же серой толстовке, которую она стирала в воскресенье, с обтрепавшимся шнурком. Прошлым летом сын действительно помогал на производстве после обучения и оформления; Эдуард гордился, что Филипп не брезгует обычной работой. Дина тогда следила, чтобы ему доставалась не самая тяжёлая смена, и считала это материнской слабостью. Теперь представила его на месте Оксаны и почувствовала такую животную благодарность, что стыд пришёл не сразу.

— Больше ты на ней работать не будешь.

— Да я не собирался. Я спрашиваю, что случилось.

— Разбираются.

Филипп провёл рукой по волосам. Он вырос выше отца, но в моменты растерянности делался моложе своих двадцати двух: рот оставался приоткрытым, будто нужное слово задерживалось на вдохе.

— Папе помочь надо. Он с утра не отвечает толком. Я могу возвраты сделать, клиентам написать.

— Сначала поешь.

— Мама.

— Филипп, я не знаю, что тебе сейчас сказать.

Он перестал двигаться. Дина редко произносила такое. Обычно знала, что сказать, даже если сама сомневалась: кому позвонить, какую рубашку взять, сколько времени оставить на дорогу. Сын сел и подтянул к себе пакет с булочкой, оставленный Ниной.

— Ладно. Я посижу.

Они ели в кабинете, где между папками едва помещались две тарелки. Дина разрезала яблоко на четыре части. Филипп взял одну, потом вторую и спросил, нельзя ли узнать в больнице, что Оксане нужно. Она сказала, что уже узнала у матери. И тут же поняла, что это неправда: она покупала наугад, а мать просила только ждать вместе.

— Я спрошу, — поправилась Дина.

Филипп кивнул. Из цеха вернулся Эдуард, увидел сына и на секунду изменился лицом: плечи опустились, губы дрогнули. Он положил руку Филиппу на затылок, постоял так, потом спросил, может ли тот сегодня задержаться.

— Конечно, — ответил сын.

Дина смотрела на них и не хотела, чтобы следующий разговор состоялся. Можно было ещё полчаса разбирать возвраты, согревать чай, отвечать людям. Можно было оставить январский лист в журнале, закрыть шкаф и дождаться, пока его найдёт кто-то другой. Тогда ей останется только объяснить. Объяснять уже найденное было бы легче, чем самой положить на стол.

Она собрала папки в стопку. Январский журнал оказался внизу. Эдуард взял верхние две, пролистал и сказал:

— Вот. Здесь всё у тебя хорошо.

Дина не возразила. И именно эту минуту — не подпись в журнале, не утреннюю растерянность — она вечером вспоминала чаще всего: как муж стоял у стола с папками, сын доедал яблоко, а она знала, где лежит лист, до которого они пока не дошли.

Глава 4. Чужой почерк

Оксана разрешила приехать в пятницу, после перевязки. Написала сама: «Только ненадолго». Дина прочла сообщение на парковке у пекарни и не стала сообщать Эдуарду, что собирается в больницу. Она объяснила себе это тем, что у него сегодня встреча с представителями комиссии и лишний звонок ни к чему. Уже был получен документ из больницы, травму отнесли к тяжёлым. Слова произнесла Алла Борисовна, потом повторил муж. Теперь они появлялись в разговорах как установленное обстоятельство, хотя ещё вчера можно было прятаться за «неизвестно, насколько».

Дина купила для Оксаны йогурт, который та попросила, и два банана. На всякий случай написала: «Можно ещё что-нибудь?» Ответ пришёл через десять минут: «Ножик не надо, тут нельзя. Просто йогурт». Дина вынула из сумки маленький складной нож, который всегда возила для яблок, и оставила в машине. Ей стало неприятно от того, как легко Оксана угадала её привычку устраивать чужой быт.

В палате было четыре койки. Оксана лежала у окна, отвернувшись от соседки, которая разговаривала по телефону с кем-то глуховатым и повторяла, где стоят чистые полотенца. На тумбочке Оксаны лежал зарядный провод, свёрнутый слишком туго, пакет с салфетками и лист бумаги. Левую руку она держала на возвышении из подушки и сложенного одеяла; Дина старалась не смотреть туда дольше, чем нужно.

— Привет.

— Здравствуйте.

Обычно Оксана говорила ей «доброе» или просто кивала, когда работа начиналась раньше, чем удавалось проснуться. Официальное приветствие Дина услышала сразу. Поставила пакет на тумбочку, спросила про температуру и сон. Оксана ответила коротко, без раздражения, но и без прежней готовности подхватить разговор.

— Я бананы ещё взяла.

— Спасибо. Мама потом заберёт один.

Дина села на край стула. Соседка закончила звонок, включила телевизор без звука и отвернулась к стене. Оксана попробовала развернуть йогурт, придерживая упаковку коленями. Дина потянулась помочь и остановилась, когда та подняла глаза.

— Открыть?

— Откройте.

Крышка оторвалась ровно, ничего не пролилось. Дина положила её в пустой пакет и протянула баночку. Простое действие заняло несколько секунд, и на эти секунды обе знали, что делают друг для друга. Потом Оксана отложила ложку, не начав есть.

— Эдуард Александрович вчера был.

Дина кивнула, хотя опять не знала. Муж рассказал вечером о разговоре со страховщиком, о поставщике, который согласился забрать часть сырья, о Нининой зарплате. Про больницу не сказал.

— Он привёз деньги?

— Перевёл тридцать тысяч. Сказал, это просто сейчас, не в счёт того, что будет дальше.

— Хорошо.

Оксана посмотрела на неё так, что Дина захотела забрать это слово обратно.

— Он бумагу привёз. И сказал, двести потом ещё. Когда подпишу, чтобы бухгалтер могла провести.

На тумбочке лежал не тот печатный лист, который Дина видела во вторник, а его более аккуратная версия. Вверху стояли дата и Оксанино полное имя. Дина узнала первую фразу.

Снизу было добавлено несколько строк о помощи предприятия и отсутствии претензий к руководству.

— Можно? — спросила она.

Оксана протянула лист правой рукой.

Дина читала медленно. Теперь «самостоятельно» стояло в середине предложения, рядом с «не убедившись». По отдельности слова казались обычными, такими, какие встречаются в любой объяснительной. Вместе они создавали человека, который увидел неисправность, проигнорировал её и принял решение один. Дина знала эту женщину четыре года. Она помнила, как Оксана возвращала в холодильник масло, которое другой мастер считал ещё пригодным для работы, и как спорила из-за новой партии перчаток. Но память о характере не была доказательством. Доказательство лежало в журнале, и она всё ещё никому не передала его сама.

— Вы это не подписали?

— Мне больно было. Я сказала, потом. Он говорит, можно диктовать, он запишет. Только мне как будто уже всё записали.

Дина положила лист обратно.

— Не нужно подписывать то, с чем вы не согласны.

— А деньги тогда?

— Деньги не должны зависеть…

Она остановилась. Не знала, как закончить, не пообещав того, что не могла выполнить. У предприятия были обязательства, страхование, правила выплат, но двести тысяч, о которых говорил Эдуард, относились к его отдельному обещанию. Дина не имела права представить это как гарантированную сумму. И ещё меньше права имела сказать: ничего, обойдётесь.

— Я выясню, что он оформляет, — сказала она. — А за своим юристом вы можете обратиться отдельно. Не к нашему.

— Я пока к врачу обращаюсь, — ответила Оксана.

Дина опустила глаза. На правой руке Оксаны была полоска йогурта, она вытерла её салфеткой и смяла салфетку в кулак. Всё получалось с задержкой: открыть, достать, удержать. Никто не мог сказать, сколько будет длиться эта новая медленная жизнь. Дина приехала на двадцать минут, а Оксане предлагалось остаться здесь со своими решениями и ещё найти правильного юриста.

— Я могу оплатить консультацию. Без условий.

Оксана не ответила сразу. Потом спросила:

— Из ваших денег или из его?

Дина подумала о двух банковских приложениях на телефоне, общей карте для покупок, накопительном счёте, который они называли «на чёрный день». День уже был чёрным, но деньги по-прежнему лежали под привычным названием, словно ждали чего-то другого.

— Из моих. Личных.

— Вы же вместе.

— Всё равно. Я не буду знать, что вы там обсуждаете.

Оксана повернулась к окну. С улицы падал серый свет, в нём кожа на её лице казалась особенно тонкой. Дина впервые увидела у неё маленький шрам под нижней губой. На работе она всегда смотрела на руки, волосы под сеткой, чистоту формы; лицо оставалось тем же, знакомым, и не требовало внимания.

— Вы в понедельник сказали, что он разберётся, — произнесла Оксана.

— Да.

— Я вам показывала. Вы сами посмотрели, как не срабатывает.

Дина почувствовала, что стул под ней слишком низкий. Хотелось встать, ответить стоя, занять привычное положение у рабочего стола, где она могла ясно объяснить, что относится к её работе и что — нет. Она осталась сидеть.

— Я видела, что было замечание. И поговорила с ним.

— Не только замечание. Я вас позвала. Вы стояли рядом.

Дина вспомнила. Она не забыла этого совсем — просто в её памяти с вечера удерживалась подпись, аккуратная черта на странице. А между подписью и разговором с мужем было ещё несколько минут у машины. Оксана позвала её, показала, сказала: «Так нельзя». Дина ответила: «Я сейчас Эдику скажу». Потом зазвонил телефон, пришли образцы муки, подошла Нина с возвратом, и всё сложилось в историю о том, что она сообщила руководителю.

— Я стояла рядом, — сказала Дина. — Вы правы.

Оксана посмотрела на неё. Не с облегчением. Скорее проверяя, будет ли следом объяснение, которое отменит первые слова.

— Я не потребовала остановить работу, — добавила Дина.

В палате зашуршало одеяло. Соседка повернулась на другой бок, телевизор показывал людей за длинным столом. Дина почувствовала, как ей жарко под свитером. Не от стыда за чужое давление, которым ещё можно было гордиться: она увидела, она не такая. От собственного поступка, для которого пока не придумала ни одного слова, делавшего его меньше.

— Я не хочу, чтобы вы из-за меня… — начала Оксана и оборвала себя. — Нет. Я хочу руку обратно. А остальное не знаю пока.

Дина кивнула.

— Не надо сейчас знать.

— Ему надо. Он говорит, чем раньше договоримся, тем быстрее всё закончится.

— Я поговорю с ним.

— Вы уже говорили.

Сказано было без нажима. Дина услышала это хуже крика. В её помощи опять оказалось то же самое действие: сходить к мужу, попросить, получить ответ, вернуться с обещанием. Оксана имела право не ждать другого результата.

Дина достала телефон. Не стала сразу открывать банковское приложение. Спросила, можно ли прислать контакт юриста, если найдёт человека, который не связан с пекарней. Оксана сказала: присылайте, посмотрю. Не согласилась на оплату и не отказалась; этого было достаточно, чтобы Дина перестала добиваться ответа сегодня.

Когда она поднялась, Оксана попросила подвинуть сумку ближе. Из сумки торчал светлый ремешок часов. Они вернулись к хозяйке, но надеть их на привычную руку она пока не могла. Дина пододвинула сумку и не стала говорить о часах.

В коридоре она написала Эдуарду: «Я была у Оксаны. Видела объяснение». Он позвонил сразу.

— Ты зачем туда поехала без меня?

— Она разрешила.

— Я не про разрешила. Мы должны понимать, что говорим человеку.

Дина стояла возле окна, под которым сушились вымытые пластиковые тапочки. Одни были детские, с потёртыми наклейками. Она смотрела на них, чтобы не закрыть глаза.

— Зачем там отказ от претензий?

— Потому что я не могу перечислить просто так двести тысяч. Нужно основание.

— Основание для денег или для того, что она виновата сама?

— Ты сейчас повторяешь чьи слова?

— Свои.

Он выдохнул в трубку. Дина слышала, как рядом с ним хлопнула дверца машины.

— Я пытаюсь договориться. Нормально, без войны. Ты хочешь, чтобы она год по судам ходила? У неё сегодня денег нет. Сегодня, Дина. Не через год.

— Она не должна покупать эти деньги объяснением.

Эдуард помолчал. Дина поняла, что сказала слишком гладко; эта фраза подходила для письма, а не для их разговора. Он наверняка так и услышал — чужая подготовленная формула, которую жена принесла против него. Она заговорила снова, уже тише:

— Она мне показала лист. Она боится, что без подписи ты не поможешь. И она помнит, что я стояла возле машины в понедельник. Я стояла, Эдик.

— Я помню.

— Ты мне сказал, мастер утром приедет.

— Он должен был приехать.

— Но работа началась.

— Мы это уже обсуждали.

Дина ждала. Впервые за разговор ей было важно не сказать следующую фразу, а дать мужу ответить на предыдущую. За окном проехала машина с пустым прицепом. Он ещё раз выдохнул, потом сказал:

— Приезжай домой. Здесь не разговор для телефона.

Она не согласилась и не отказалась. Убрала телефон в сумку, спустилась вниз и только в гардеробе обнаружила, что оставила пакет с бананами в палате, как и собиралась. Обычно она проверяла себя по три раза. Сегодня хотя бы одно простое действие оказалось закончено и не требовало возвращения.

Глава 5. Нижняя полка

В пятницу вечером Эдуард приехал домой с двумя пакетами продуктов. Дина услышала, как он поставил их в коридоре и выругался вполголоса: лопнул пакет с молоком. Она вышла с тряпкой, он отодвинул её рукой.

— Я сам. Не наступи.

Они убирали молоко с пола вместе. Из-под тумбы пришлось выдвинуть коробку с обувью Филиппа, вытереть нижний край, оставить сушиться у батареи. Эдуард снимал ботинки, стоя на одной ноге, держался за дверной косяк. Было в этом что-то до боли обычное: он принёс еду, она встретила, теперь вдвоём исправляли маленькую неприятность. Дина поймала себя на желании не говорить больше ни о чём. День можно было закончить здесь, между мокрой тряпкой и открытым холодильником, если никто не напомнит, почему они молчат.

В пакете лежала рыба, которую она любила, и упаковка Филипповых пельменей. Эдуард положил их в морозилку и спросил, придёт ли сын.

— Он у Артёма. Готовятся к защите.

— Ясно.

Он снял рубашку, надел домашнюю футболку, вернулся на кухню. Дина уже разделывала рыбу. Нож шёл плохо: нужно было точить, но она всегда забывала, пока не начинала резать. Муж встал рядом, хотел взять нож, она отдала и отошла к мойке.

— Я не собираюсь обманывать Оксану, — сказал он, не оборачиваясь.

Дина выключила воду.

— Тогда убери из бумаги то, чего она не говорила.

— Я уберу бумагу совсем. Устроит? Пусть пишет сама, потом разбирается сама. Я готов был заплатить, чтобы она не осталась без денег. Это уже превратили в преступление.

— Я не превращала.

— А как это называется? Ты приезжаешь к человеку за моей спиной и говоришь, чтобы она со мной не соглашалась.

Дина поставила чистую доску на стол. Муж разделил рыбу на порции, аккуратные, почти одинаковые. Он любил, когда куски прожаривались вместе, и раздражался, если один оказывался толще другого.

— Я сказала, чтобы она не подписывала то, с чем не согласна.

— И предложила ей юриста.

Она не спросила, откуда он знает. Оксана имела право рассказать. Но всё равно почувствовала обиду — глупую, непрошеную. Ей хотелось помочь тайно и остаться для Оксаны отдельным человеком; та вернула её слова туда, откуда Дина пыталась выйти.

— Предложила.

— Оплатишь?

— Если попросит.

— Из каких денег?

— Из своих.

Эдуард положил нож. На лезвии осталось чешуйчатое пятно.

— У нас уже свои?

— Эдик, не надо.

— Нет, ты сказала. У нас пятнадцать лет всё общее. Кредит общий, аренда, люди. Как платить, так общее. Как ты решила сделать красивый жест, у тебя свои деньги.

Дина не ответила. Пятнадцать лет назад они продали её маленькую квартиру, доставшуюся от бабушки, и вложили почти всё в первую печь, ремонт, витрину. Эдуард тогда продал свою машину и ещё полгода ездил на старом отцовском фургоне, который глох на каждом све-

тофоре. Они по-разному считали начало: она вспоминала пустую квартиру с обоями в мелкий цветок, он — фургон, ночные поездки и руки в мазуте. Раньше эти воспоминания складывались. Теперь каждый мог предъявить своё отдельно.

— Я не собираюсь ничего забирать, — сказала она.

— А отдавать собираешься.

Он сел. Рыба осталась на доске, сковорода ещё не была разогрета. Дина накрыла куски плёнкой и поставила в холодильник. Ей стало легче, когда на столе не осталось еды, которую они должны были съесть вместе.

— Ты сказал Оксане работать в тот день?

Эдуард долго смотрел на скатерть. На ней было старое пятно от красного вина, уже почти незаметное. Дина знала, куда он смотрит, потому что сама всегда ставила туда хлебницу.

— Я сказал подготовить заказ. Раскатку должен был посмотреть мастер. Она знала.

— В журнале другое.

— Она написала, как услышала. Ты каждый день говоришь «делайте», и никто не спрашивает, разрешаешь ли ты нарушать инструкции. Почему мои слова теперь читают именно так?

— Потому что машина была неисправна.

— Я не знал, что настолько.

Дина хотела спросить, до какой степени неисправность была допустима. Вопрос уже сложился, но она услышала в нём голос человека, который никогда не оставлял ничего на потом. Она оставляла. Откладывала замену лотков, когда они ещё не треснули до конца; принимала муку после дополнительной проверки, хотя поставщик привёз её без одного документа; просила выйти на смену женщину, которая жаловалась на усталость. Не всё это было одним и тем же. Но сейчас, чтобы сказать мужу простую вещь, ей казалось необходимым сначала доказать собственную безупречность.

— Я тоже знала, — произнесла она.

Он поднял голову.

— Вот. Мы оба знали, что её надо посмотреть. Посмотреть, Дина. Не что у человека будет травма.

Он ухватился за её признание так быстро, что она не успела понять, для чего сама его сделала. Хотела перестать стоять напротив? Хотела, чтобы он тоже признал? Теперь они опять оказались по одну сторону, и муж говорил уже спокойнее.

— Нам нужно пережить это вместе. Не потому, что я тебя заставляю. Потому что иначе всё развалится. Ты знаешь, сколько на счёте?

— Примерно.

— Не примерно. Я тебе покажу.

Он открыл телефон и положил перед ней. Дина посмотрела на остаток, потом на список ближайших платежей. Аренда, зарплата, поставщики. Отдельно — возвраты. Она знала эти цифры по частям, подписывала платёжные поручения, обсуждала закупки, но собранные на одном экране они выглядели иначе. Остановленная пекарня продолжала тратить деньги с прежней уверенностью, будто утром обязательно будет выручка.

— Мы запустим хлеб, — сказал Эдуард. — Без слоёного. На другом оборудовании, как разрешат после всех проверок. Люди не могут сидеть. Оксане заплатим, машину заменим. Я не говорю, что ничего не случилось.

Дина смотрела на экран. В его плане было место всему, кроме того, что Оксана могла не принять предложенную роль. Муж не называл её виновной в разговоре с Диной. Он просто строил порядок действий, в котором эта виновность уже лежала под всеми остальными условиями и потому не обсуждалась.

— А если она не подпишет?

— Значит, будем разбираться дальше.

— Помощь всё равно будет?

— Я сказал, что будет.

Дина вернула телефон. Он взял её руку, положил на свою ладонь, большим пальцем провёл по костяшкам. Так делал раньше в машине, когда они стояли на светофоре. Её рука почти помнила, как нужно расслабиться.

— Не уходи от меня сейчас, — сказал он.

Она посмотрела на него. Эдуард не просил остаться в квартире, не говорил о разводе. Он просил быть той Диной, с которой можно было в десять вечера поехать за сломавшимся водителем, открыть пекарню в четыре утра, занять денег и никому не рассказывать, как страшно. Такая Дина всё ещё существовала. Ей хотелось убрать с его лица усталость. Хотелось, чтобы он поел приготовленную рыбу, а потом лёг и хотя бы пять часов не отвечал на звонки.

— Я здесь, — сказала она.

Он сжал её пальцы. И только когда отпустил, Дина поняла, что он услышал больше, чем она обещала.

На следующий день она приехала в пекарню одна. Эдуард уехал к бухгалтеру, Филипп спал после ночи у друга. Официально производство пока не возобновляли; Нина приходила принять возвраты, Сергей проверял оставшееся сырьё. Дина открыла кабинет и включила сканер. Пока он прогревался, из коридора донёсся Сергеев голос.

— Дина Викторовна, вы обещали посмотреть.

Она подошла. Сергей стоял возле холодильника с листом в руке. Ничего не вынимал: переписал названия и сроки, хотел сверить, что оставить, что нельзя дальше хранить, что ещё можно вернуть поставщику на согласованных условиях. Дина взяла лист и обнаружила, что не различает цифры. Сняла очки, протёрла, надела снова. Стало лучше, но не настолько, чтобы дело было только в стёклах.

— Начнём сверху, — сказала она.

Они работали почти час. Сергей называл партии, Дина сверяла упаковки и записи; там, где требовалось решение по возврату, откладывала вопрос для мужа. Не всё можно было спасти правильной отметкой. Поставщик согласился принять часть нераспечатанного, но уже начатые остатки оставались у них. Дина помнила цену каждого ведёрка, помнила, сколько изделий должно было получиться. Сейчас цифры нужно было считать без будущих покупателей.

— Жалко, — сказал Сергей, когда она отметила очередную позицию.

— Жалко.

Он закрыл дверь холодильника, послушал, плотно ли встала. Дина собиралась уйти, но пекарь попросил минуту. Снял очки, повесил на ворот футболки.

— Если хлеб запустим, я с Мишей могу. Он выходил у нас по воскресеньям, помните? Вручную обычный. Без того участка.

— Помню. Только пока ничего не обещайте ему от нас.

— Я просто спрашивал, свободен ли. У него жена работает, ему не горит. А мне надо.

Дина прислонила лист к столу, чтобы не держать его между ними. О Сергеевом доме она знала набор коротких сведений: взрослый сын отдельно, жена лечит колено, на электричку приходится выходить задолго до смены. Эти вещи появлялись, когда нужно было переставить график. Никогда не соединялись у неё в его утро.

— Я понимаю, — сказала она.

— Вы только Эдуарду Александровичу скажите, что я не отказываюсь. Он вчера решил, будто я боюсь и больше не выйду.

— Он вам предлагал?

— Про хлеб разговаривали. Я спросил, всё ли посмотрят. Он сказал: если вы теперь всего боитесь, работать вообще нельзя.

Сергей говорил без вызова, будто действительно хотел, чтобы она перевела мужу неточно понятую просьбу. Дина могла пойти в кабинет и позвонить: Сергей не против, просто волнуется, давай не будем его торопить. Её прежняя работа часто состояла и в этом — объяснить одним, что другие не имели в виду ничего плохого.

— Я не стану говорить, что вы не боитесь, — ответила она. — Я сама боюсь. Если до запуска дойдёт, условия обсудим с вами, не за вас.

Пекарь снова надел очки.

— Я не про страх. Мне с утра надо знать, что делать. А не сначала замесить, потом выяснять.

— Да. Сначала решим, потом позовём на смену.

Дина записала его просьбу о порядке запуска. Только записала, не выдала это за решённое. Сергей увидел и спросил, что делать сегодня после остатков. Она начала перечислять уборку, потом остановилась: он пришёл проверить сырьё, не остаться до вечера по её привычному «заодно».

— Список закончите, и свободны. По времени отметим как работали. Я сама здесь побуду.

— Я могу помочь.

— Сегодня не нужно.

Он задержался ещё на несколько минут, чтобы убрать использованные весы и закрыть коробки, потом ушёл переодеваться. Дина вернулась к столу и перечитала лист. Внизу Сергей добавил карандашом: «Что делать с завтрашней поставкой?» Она позвонила мужу. Он раздражённо ответил, что уже отменил, прислал подтверждение, потом спросил, чем она занята.

— Документами. И остатки посмотрела.

— Только не списывайте всё подряд от испуга.

— Не подряд.

Дина назвала три позиции и причины. Муж выслушал, согласился с двумя, по третьей предложил уточнить у поставщика. Они ещё могли обсуждать продукт и срок так, что разговор приводил к следующему действию. Она удержалась от просьбы поговорить тем же голосом обо всём остальном.

Когда Сергей ушёл, в раздевалке осталась сушиться его вымытая обувь. Сумку он взял с собой пустой. Дина заметила это по звуку: она мягко ударилась о дверь, не стукнула подошвами изнутри. До своего рабочего стола она дошла медленно, остановилась на полпути, чтобы закрыть фрамугу. Сканер давно ждал.

Оксана утром прислала номер женщины-юриста: контакт нашла её двоюродная сестра. «Она просит записи про машину, если можно. Мои хотя бы». Дина перечитала сообщение несколько раз. Ей не поручали скрывать, просили то, что уже существовало. Она могла отправить фотографию страницы и не вступать ни в какие разговоры.

Она взяла мартовский журнал, отсканировала разворот второго и третьего числа. На первой странице была её подпись. Дина подвинула лист на стекле так, чтобы край не обрезался, потом отсканировала ещё раз. Подпись оставила. Это показалось ей важным: она не прячется, не вымарывает себя. Передаёт как есть.

Январский журнал лежал на нижней полке. Дина увидела его, когда наклонилась за запасной бумагой. Достала, раскрыла на вложенном листе. Там были другие обстоятельства, другая дата, между замечанием и аварией прошло больше месяца. Возможно, январскую неисправность устранили, а нынешняя была новой. Отправить без объяснения — значит, заставить людей связать то, что пока не связано. Она не могла сама устанавливать причину.

Дина положила журнал обратно.

В письме юристу написала: «Направляю имеющиеся записи о неисправности перед происшествием». Потом убрала «имеющиеся», оставила «записи». Так было точнее. Копию отпра-

вила Оксане, попросила подтвердить, что всё открылось. Ответ пришёл почти сразу: «Вижу. Спасибо».

На несколько минут ей стало легче. Она сделала то, чего муж не хотел, и сделала не против него, а ради человека. Не сказала о январе, потому что не знала, имеет ли он отношение. Не обязана же была складывать в одно письмо весь архив пекарни. Дина выключила сканер, протёрла стекло, поставила журнал на прежнее место.

Позже, когда Алла Борисовна попросила прислать для комиссии электронные копии замечаний об оборудовании, Дина прикрепила тот же файл. Он уже был готов, аккуратно назван, проверен на читаемость. В сопроводительном письме добавила, что оригиналы журналов находятся в кабинете и будут предоставлены. Это было правдой. Январский журнал тоже находился там. Она не забрала его, не уничтожила, не спрятала в сумку.

Только прежде, чем нажать «Отправить», Дина открыла нижнюю дверцу шкафа и поставила перед журналами коробку с расходными наклейками. Так она делала всегда, чтобы не занимать рабочий стол. Коробка не была тайником, её можно было снять одной рукой. Дина закрыла дверцу и отправила письмо.

Вечером муж спросил, успела ли она подготовить документы. Она сказала: да, отправила. Он поблагодарил и впервые за несколько дней предложил посмотреть что-нибудь вместе. Дина согласилась. Полчаса они сидели перед телевизором, не понимая, кто из героев кому приходится. Потом Эдуард заснул в кресле. Она укрыла его пледом и осталась рядом, прислушиваясь к телефону, хотя звук был выключен.

Глава 6. Что вы сделали потом

В понедельник Дина привезла в пекарню коробку новых папок. Купила по дороге, потому что старые расходились по сгибам, а документы предстояло много раз перекладывать. У кассы ей предложили одинаковые синие, но она взяла три разных цвета. Дома ей казалось, что, если разделить бумаги, будет легче объяснить и события: здесь оборудование, здесь обучение, здесь производство. Теперь, выходя из машины, она подумала, что новые папки могут выглядеть как попытка привести прошлое в порядок перед чужим взглядом.

В кабинете уже ждали двое. Одного Дина видела при первом осмотре — государственного инспектора труда Павла Андреевича Корнеева. Вторую женщину Эдуард представил как представительницу страховщика. На столе лежал список документов. Никаких папок им пока не понадобилось.

— Мы сначала поговорим с вами отдельно, — сказал Корнеев.

Дина поставила коробку у стены. Эдуард остался в дверях.

— Я могу пояснить по закупкам, там…

— По закупкам мы с вами поговорим. Сейчас Дина Викторовна расскажет о своей работе.

Это прозвучало спокойно, почти буднично. Муж вышел, не посмотрев на неё. Дина села на свой стул и неожиданно почувствовала себя в нём гостьей. Её чашку отодвинули к принтеру, на место чашки положили диктофон и блокнот. Она спросила, будет ли запись, и получила ясный ответ. Никто не пытался поймать её на согласии, не требовал немедленно подписать готовые слова. От этого стало не легче: спрятаться за чужую несправедливость не удавалось.

Корнеев попросил описать, что входило в её обязанности. Дина рассказала о рецептурах, качестве сырья, температуре, технологических режимах. Говорила уверенно, временами даже слишком подробно. О новом поставщике могла бы говорить полчаса, о различии партий — ещё дольше. Инспектор не перебивал, но когда она закончила, вернулся к должностной инструкции.

— Что вы должны были делать при обнаружении опасного состояния оборудования?

Дина сказала, что сообщала директору. Он спросил не о том, что она делала, а о том, что было предусмотрено. Ей пришлось прочитать свой пункт вслух. Бумага дрожала едва заметно, и она положила её на стол, чтобы не держать.

— Когда вы впервые узнали о неисправности, о которой говорила Яровая?

— Второго марта. О последней — второго марта.

Корнеев поднял глаза.

— Были предыдущие?

Дина услышала собственное слово «последней» и поняла, что уже не может вернуться к первой версии. Она начала с января: было замечание, сообщили директору, после приходил мастер. Разделила известное и предполагаемое так, как сама требовала от работников. Мастера лично не видела, о выполненной работе знала со слов мужа. Акт нашла на замену ремня. Проверку защиты отдельным документом подтвердить не могла.

— Записи сохранились?

— Да. В журнале.

— В присланных копиях их нет.

— Я отправила мартовские. То, что непосредственно перед происшествием.

Представительница страховщика придвинула к себе список, поставила отметку. Дина следила за движением ручки и не могла понять, что именно отмечено. Ей хотелось заглянуть, но она осталась сидеть.

— Вас просили предоставить сведения о неисправностях, — сказал Корнеев. — Не только за два дня. Принесите, пожалуйста, журнал.

Дина встала. До шкафа было три шага. Коробку с наклейками пришлось переставить на пол. Она держала её двумя руками, хотя коробка была лёгкой, и на мгновение ощутила нелепое желание объяснить, что та всегда здесь стоит. Никто не спрашивал.

Январский журнал раскрылся не сразу. Вложенный лист прилип к странице; Дина поддела край ногтем, стараясь не порвать. Положила перед инспектором. «Обсудить с сервисом» — её широкие карандашные буквы. В конце стояла точка. Дина почему-то обрадовалась ей, словно законченная фраза подтверждала, что и дело было закончено.

— Это ваша запись?

— Да.

— Что вы сделали потом?

Вопрос был короткий. Дина могла ответить длинно: позвонила мужу, попросила связаться с сервисом, потом заболела, вернулась через три дня, увидела, что работают, услышала, что всё сделали. Но короткий вопрос оставлял в длинном ответе пустоту, которую нельзя было заполнить обстоятельствами.

— Передала директору. Потом не проверила, что именно устранили.

— Вы видели работу машины после этого?

— Да.

— Замечания от сотрудников поступали?

Дина стала вспоминать. Не всякий разговор доходил до журнала. Оксана могла сказать на бегу, что опять ждут мастера. Сергей — спросить, почему при остановке не сразу понятно, что случилось. Дина не хотела превращать смутное воспоминание в точный факт, но и фраза «не помню» теперь казалась удобной дверью. Она сказала, что помнит отдельные разговоры, однако даты назвать не сможет без проверки переписки. Корнеев предложил проверить и дополнить объяснение, не подставляя выдуманные числа.

— Я не механик, — произнесла Дина.

Он кивнул.

— Мы это учитываем. Я спрашиваю о ваших действиях в пределах вашей работы.

Дина опустила глаза. Она знала, что он не обвиняет её во всём случившемся. Знала, что сейчас собирают обстоятельства и никто не выносит приговор в её кабинете. И всё равно каждое уточнение отнимало у неё маленький участок, на котором прежде можно было стоять: не видела запуска, не управляла ремонтом, не выбирала запчасти. Под всем этим оставалось: видела, сообщила, не добилась остановки, вернулась к своему.

Они говорили почти два часа. Инспектор попросил показать переписку о ремонте, сохранить исходные сообщения и предоставить их установленным способом, не ограничиваться вырезанными фрагментами. Дина кивала. Её никто не торопил, разрешали прочитать записанное, исправить неточность. Когда в тексте появилась фраза «считала оборудование исправным», она попросила заменить: считала, что вопросом занимается директор. Это было хуже по смыслу, зато точнее.

— Вы не считали исправным? — уточнил Корнеев.

— Я не проверяла. Поэтому не могу так написать.

Он внёс исправление. Дина расписалась после того, как прочитала всё ещё раз. Подпись получилась короче обычного. Она не стала обводить последнюю черту.

В коридоре ждал Эдуард. Он говорил по телефону, увидел её и закончил разговор.

— Что так долго?

— Вопросы были.

— Какие?

Дина прошла к мойке. Ей хотелось вымыть руки, хотя они были чистыми. Она остановилась возле крана и повернулась к мужу.

— Про январское замечание тоже.

Эдуард посмотрел через её плечо на дверь кабинета.

— Ты же сказала, подготовила всё.

— Я отправила не всё.

— Что значит не всё?

Она рассказала про копии. Не упомянула письмо юристу Оксаны, потому что разговор был о комиссии, и тут же услышала, как ещё раз делит правду на подходящие части.

— И Оксаниному юристу отправила тот же разворот, — добавила она.

Муж отступил на шаг. Дина видела, как он сжал челюсти, но голос остался негромким.

— Ты передала документы постороннему человеку без меня?

— Записи, которые касаются её травмы.

— Ты понимаешь вообще, что делаешь? У нас есть юрист. У неё свой. А ты между ними бегаешь и всем раздаёшь куски.

Он был прав в одном: она действительно раздавала куски. От этого остальное обвинение стало труднее выдержать. Дина не могла сказать, что действовала открыто и последовательно. Хотела защитить Оксану так, чтобы ни муж, ни комиссия, ни она сама не увидели всего сразу.

— Теперь передам полностью, — сказала она.

— Сначала поговори с нашим юристом.

— С кем он работает? С тобой или с обществом?

— Какая разница, Дина?

Она не знала точного ответа. Разница существовала, но произнести её юридически правильно не могла. Эдуард это услышал и сразу продолжил:

— Ты начиталась за выходные. Теперь у тебя каждый вопрос с подвохом. Я не враг тебе. Ты мне двадцать пять лет жена.

Дина прислонилась спиной к холодной плитке. Двадцать пять лет — почти вся её взрослая жизнь. Когда они поженились, ей было двадцать один, ему двадцать три. Она ещё не умела вести дом, он ещё не умел не обещать того, чего не мог исполнить. Они выучились многому, но некоторые привычки просто состарились вместе с ними.

— Я не хочу, чтобы за меня отвечали, — сказала она.

— Никто не отвечает. Тебя просят не делать хуже.

Из кабинета вышла женщина от страховщика, попросила Эдуарда подойти. Он ушёл, оставив Дину у мойки. Она включила воду и сразу выключила. Потом всё-таки вымыла руки, долго смывая мыло между пальцами.

Домой в тот день она поехала на автобусе. Машину оставила у пекарни: слишком устала, чтобы следить за дорогой. В автобусе было жарко, люди держали мокрые пакеты на коленях. Дина стояла у окна, смотрела на знакомые повороты и впервые за много лет считала, сколько остановок от работы до дома без машины. Казалось, это знание могло понадобиться отдельно от всего остального.

Филипп позвонил, когда она шла от остановки.

— Мама, папа говорит, вы поругались.

— Мы разговаривали о документах.

— Он говорит, ты ему не доверяешь.

Дина остановилась у магазина. В витрине стояли готовые салаты в одинаковых контейнерах. Можно было купить ужин и не готовить. Она никогда не покупала здесь салаты: дорого за простую еду, которую легко сделать самой. Сегодня слово «легко» ничего не значило.

— Фил, я не хочу обсуждать это через тебя.

— Я не через меня. Я сам спрашиваю.

— Тогда спроси меня, что ты хочешь знать.

Он помолчал.

— У нас всё закроется?

Дина прислонилась плечом к стеклу. За стеклом продавщица переставляла ценники, аккуратно выравнивая белые полоски.

— Не знаю.

— Ты можешь с ним хотя бы не ругаться, пока непонятно? Ему и так…

Сын оборвал фразу, но она слышала продолжение. Ему и так плохо. Ей тоже было плохо, только это не давало права требовать от Филиппа выбрать её. Дина сказала, что любит его, и он ответил торопливым «я тоже», словно они закончили не тот разговор, который начали.

Дома она не открыла ноутбук мужа, где хранились контакты общего юриста. Нашла визитку женщины, помогавшей её знакомой с трудовым спором, и написала сама. Коротко: работаю технологом, одновременно владею долей в предприятии, произошла тяжёлая травма работницы, нужно обсудить мои обязанности и объяснения. Прочитала сообщение, убрала слова «я не виновата» — они появились почти автоматически — и отправила.

Женщина ответила через час. Предложила время на следующий день, попросила принести документы о собственных обязанностях и то, что Дина уже подписала. Стоимость консультации была ощутимой, но не такой, чтобы требовать семейного совета.

Дина перевела оплату со своей зарплатной карты. В назначении не было слов о спасении брака, защите коллектива или поддержке Оксаны. Только консультация. Впервые за эту неделю она сделала что-то, не выдавая это за помощь другому человеку.

Глава 7. Отдельный человек

В приёмной пахло кофе и влажной бумагой. Дина пришла на двадцать минут раньше и теперь жалела: нечем было занять руки. Она достала папку, проверила, на месте ли копия объяснения, убрала обратно. На стене висели часы без секундной стрелки. Время менялось сразу целой минутой, и каждую минуту приходилось ждать заново.

Женщина, к которой она записалась, открыла дверь сама. Марина Леонидовна Горина оказалась ровесницей Дины или чуть старше, с негромким голосом и короткими ногтями. На столе у неё лежала игрушечная машинка. Дина почему-то посмотрела на неё дольше, чем на дипломы в рамках.

— Внук вчера оставил, — сказала Марина Леонидовна. — Садитесь. Вы написали, что уже давали объяснение.

Дина положила папку на стол. Начала с Оксаны, с больницы, с предложенной бумаги. Потом перешла к мужу, к пятнадцати годам работы и к тому, что сама не видела запуска. Она говорила быстро, боялась потратить оплаченный час на несущественное и потому рассказывала всё подряд. Марина Леонидовна остановила её только тогда, когда Дина стала объяснять, почему они не могли купить новую машину зимой.

— Сейчас нам нужно понять ваше положение. Я не представляю Оксану и не представляю вашего мужа. Вы обратились по поводу себя.

Дина кивнула, но продолжила:

— Я не хочу, чтобы он думал, будто я…

— Его мнение мы не сможем оформить документом. Давайте пока посмотрим то, что у нас есть.

Она раскрыла должностную инструкцию. Прочитала медленно, задала несколько вопросов о том, кто назначал ответственных, кто заключал договоры на обслуживание, могла ли Дина приостанавливать конкретную операцию. Дина отвечала: на практике — да; по этой бумаге — в пределах полномочий; отдельного приказа сейчас не помнит. Ей хотелось, чтобы юрист нашла формулировку, после которой всё станет ясно. Но Марина Леонидовна не нашла. Попросила дополнительные документы и объяснила, какие вопросы пока остаются открытыми.

— Вы можете помочь мне написать правильно? — спросила Дина.

— Точно — да. Выгодно за счёт выдуманного — нет.

— Я не хочу выдумывать.

— Тогда не торопитесь назвать себя ни полностью виновной, ни совершенно непричастной. Опишите действия, которые помните. Не заменяйте их оценками.

Дина посмотрела на свои руки. На указательном пальце был мелкий порез от рыбьей кости. Она заклеила его утром прозрачным пластырем, и теперь край отклеивался.

Марина Леонидовна отдельно поговорила с ней о праве не свидетельствовать против себя и супруга, о помощи защитника, о том, что разные процедуры нельзя сваливать в одну. Дина слушала, не перебивая. Прежде ей казалось, что выбор только один: либо честно всё сказать, либо стать такой же, как муж. Теперь выяснилось, что у неё есть права, и воспользоваться ими не значит подделать объяснение. Это не избавляло от вопроса, что она сама готова сделать с известными ей фактами.

— Мне придётся решать отдельно? — спросила она.

— Да. И не в коридоре под чужим давлением. Сначала разберёмся, где, в каком качестве вас спрашивают и о чём. Я не буду обещать, что у вас не возникнет ответственности. Но и чужую ответственность принимать на себя не нужно.

Дина вспомнила мужа на кухне: «Мы оба знали». Тогда эти слова дали ему возможность перестать отвечать одному. Ей тоже хотелось найти кого-то, кто скажет «мы» и избавит от

одиночества. Марина Леонидовна сидела напротив, готовая помогать, но её «мы» означало работу с документами, а не общую версию прошлого.

— Я в субботу отправила только две страницы, — сказала Дина. — Январский лист оставила. Он сохранился. Вчера его уже смотрели. Но я знала о нём, когда отправляла.

Юрист не изменилась в лице. Спросила, что именно было запрошено и что написано в сопроводительном письме. Дина показала телефон.

— Это нужно прояснить, — сказала Марина Леонидовна. — Без новой попытки сделать красивее. Вы можете дополнить сведения и точно назвать, что не включили и почему. Но сначала соберите всё, чтобы не дополнять каждую неделю по ещё одному неприятному обстоятельству.

Дина невольно улыбнулась — не от веселья, а от облегчения, что ей дали конкретную работу. Юрист заметила это.

— Собрать не значит отсортировать в пользу себя. Вы понимаете?

— Теперь понимаю.

Когда консультация закончилась, Дина вышла на улицу и обнаружила, что хочет есть. В соседнем дворе была маленькая столовая. Она знала её по вывеске, ни разу не заходила. Внутри пахло капустой и жареным луком, женщина за прилавком громко спорила с поставщиком о количестве бутылок. Дина взяла гречку, котлету и компот, села у окна. Котлета была чуть пересолена. Раньше она обязательно подумала бы, что могла сделать лучше. Сегодня съела целиком и почувствовала благодарность за то, что еду приготовил кто-то другой.

На телефоне было три сообщения от Эдуарда. Первое: «Ты где?» Второе — фотография счёта. Третье: «Надо решить сегодня». Она ответила, что будет в пекарне после двух. Не написала, где находится. Потом добавила: «Была на личной юридической консультации». Прочитала слово «личной» и оставила его.

Муж не позвонил. Это молчание оказалось тяжелее звонка. Дина доела, отнесла поднос, долго искала в кармане номерок от гардероба. Ей казалось, что все видят человека, который впервые сообщил мужу нечто непредусмотренное. Никто не смотрел. У людей остывал свой обед.

В пекарне Нина сидела за закрытой кассой и заполняла заявление в другой магазин. Не прятала лист, когда Дина вошла.

— Я пока узнаю, — сказала она. — Не ухожу ещё. Но у меня внучка, вы знаете.

— Знаю.

— Мне хотя бы понимать, до какого числа.

Дина не могла назвать число. Села рядом, посмотрела на знакомый прилавок. За стеклом остались только упакованные сухари. Раньше они ставили их в угол, потому что выгоднее было продать свежую выпечку. Теперь сухари занимали почти всю полку, и в этом было что-то жалкое, чего Дина не хотела показывать Нине.

— Я не буду просить вас ждать, если у вас есть работа, — сказала она.

Нина отложила ручку.

— Эдуард Александрович просит.

— Тогда поговорите с ним. Но я не стану обещать срок, которого не знаю.

Продавщица кивнула и вернулась к заявлению. Дине стало больно: пятнадцать лет они считали себя людьми, которые дают работу, кормят, помогают. Теперь честный ответ мог стоить им хорошего сотрудника, и никакой благодарности за этот ответ не полагалось.

В кабинете Дина включила компьютер. Открыла рабочую переписку за январь, потом февраль. Файлы хранились не в одном месте: часть в почте, часть в общем чате, часть в личных сообщениях Эдуарду. Она составила список, сохраняя оригиналы и отмечая, откуда взят каждый фрагмент. Не стала удалять бытовые сообщения между рабочими. Они мешали видеть то, что она искала, зато показывали день таким, каким он был.

В середине января: «Оксана опять жалуется на раскатку. Ты заказал мастера?» Ответ мужа: «Да. В четверг». Потом её: «Хорошо». Через два дня фотография Филипповой квитанции. На следующей неделе — просьба купить корм соседской кошке, пока соседка в больнице. Ещё ниже: «По машине всё?» Ответ: «Разобрались». Дина тогда поставила значок поднятого пальца.

Она смотрела на маленькую жёлтую руку и не могла вспомнить, где находилась в ту минуту. Наверное, на даче: дальше шло сообщение о замёрзшем кране. Она спросила, получила ответ, вернулась к своей жизни. Теперь этот значок казался слишком весёлым, почти непристойным. Но удалить его значило бы опять оставить только ту Дину, которую легче предъявить.

В феврале нашлось другое. Оксана писала в рабочий чат, что машину надо остановить до осмотра. Эдуард ответил, что график ремонта согласован, до конца смены перейти на ручную подготовку, а дальше решат. Дина поставила отметку, что сообщение прочитано, и через полчаса отправила задание на утро со слоёными изделиями. Она не помнила, чтобы отдельно спросила, на чём их будут делать. Задание само предполагало возвращение к прежнему порядку.

Дина откинулась на спинку стула. За окном проехал фургон с их старым рекламным плакатом: водитель приехал забрать пустые ящики. На плакате были её руки, разламывающие хлеб. Лица не видно, только белые рукава и мякиш. Они выбрали этот снимок, потому что он казался честным: никакой выдуманной семьи за красивым столом, настоящая работа.

Она вернулась к экрану. Сохранила февральское задание вместе с предыдущими сообщениями. Написала Марине Леонидовне, что нашла ещё одно обстоятельство о собственных действиях. Нажать «Отправить» оказалось труднее, чем написать Оксане про адвоката. Там она могла оставаться помогающей. Здесь отдавала чужому человеку доказательство того, как удобно умела не уточнять.

Эдуард пришёл ближе к вечеру. Увидел открытый чат, остановился возле стола.

— Ты всё решила без меня?

— Я собираю документы.

— Я про юриста.

— Мне нужна помощь отдельно.

Он присел на край стола, как делал раньше, когда хотел поговорить по-домашнему среди рабочего дня. Дина смотрела на его руку возле клавиатуры. Он не трогал компьютер, но ей всё равно захотелось закрыть крышку.

— Ты собираешься уйти?

— Я пока собираюсь закончить то, что должна была сделать сразу.

— Это не ответ.

Она подняла глаза.

— Другого сейчас нет.

Эдуард встал. Спросил, поедет ли она с ним домой. Дина вспомнила, что её машина со вчерашнего дня стоит у служебного входа, и сказала, что поедет сама. Он кивнул и вышел. Через минуту вернулся, положил на стол ключи, которые она оставила в ящике, и снова ушёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.